

Этот статус был тяжелее любой брони.

Настолько тяжелым, что мог его раздавить.

Су Янь стоял посреди коридора. Он не прислушался к указанию режиссера отдохнуть и даже не шелохнулся.

Чувство стыда отступило, сменившись холодной онемелостью. Острая боль в ране на ладони ощущалась предельно отчетливо — это было единственное реальное чувство в данный момент.

Он поднял голову и, поверг лиц, выражавших самые разные эмоции, посмотрел на режиссера, сидящего за монитором.

Развернувшись, он зашагал в сторону, противоположную выходу.

Его шаги больше не были скованными и тяжелыми — каждый шаг был уверенным, спина держалась прямо. Он сошел с заранее намеченной для него траектории и ступил на свой собственный путь.

— Су Янь! Ты куда? — голос режиссера, полный изумления, донесся со спины.

Су Янь не обернулся.

Он прошел мимо осветительных приборов, мимо ящиков с реквизитом, мимо перешептывающейся толпы. Своим молчаливым уходом он ответил этой съемочной площадке, от которой ему становилось нечем дышать.

Толкнув дверь гримерки, он вошел внутрь.

Там никого не было. Заперев дверь, он отгородился от всех звуков снаружи.

Он встал перед зеркалом, глядя на себя в роскошном облачении. Изысканный наряд со сложной вышивкой, надетый на него, казался жалкой шуткой.

Протянув руку, он грубыми движениями расстегнул воротник. Пуговица-узелок отскочила и с сухим звоном ударилась об пол. Он принялся яростно рвать на себе одежду — дорогая шелковая ткань издала неприятный, режущий слух треск.

Сбросив с себя костюм, он швырнул его на пол, словно стараясь избавиться от липкой, омерзительной кожи.

С обнаженным торсом, с тяжело вздымающейся от частого дыхания грудью, он чувствовал, как на коже еще сохраняется прикосновение ткани, вызывая зуд и покалывание.

Достав из шкафа ту самую выстиранную до белизны футболку и старые джинсы, он натянул их на себя. Хлопковая ткань, коснувшаяся кожи, и привычная грубая фактура вернули ему крупицу спокойствия.

Он должен вернуть то, что ему не принадлежит.

Покинув съемочную площадку, он не попрощался ни с кем. Он знал: с того самого момента, как развернулся, эта «стабильная» работа закончилась.

Ему было всё равно.

Сев в автобус, он вернулся в ту съемную квартиру.

В комнате было темно. Не включая свет, он подошел к столу и взял темно-синюю коробочку с лекарством.

Коробка была холодной и гладкой на ощупь.

Забрав ее, он спустился вниз и поймал такси.

— До компании Хуаньсин Интертеймент, — сказал он водителю.

Хуаньсин Интертеймент — агентство, к которому был приписан Гу Ечэнь, — было еще одной золотой башней в этом городе, освещенной огнями и уходящей в облака.

Такси остановилось напротив здания. Су Янь расплатился и вышел.

Стоя в тени, он смотрел на величественное сооружение, залитое мириадами огней. Стекланный фасад отражал городские неоновые вывески, холодный и равнодушный. К подземной парковке непрерывно подъезжали черные минивэны, а через вращающиеся двери постоянно входили и выходили разодетые люди.

Они принадлежали к тому миру.

Су Янь — нет.

Он был лишь прохожим, пришедшим вернуть долг.

Он не знал, находится ли Гу Ечэнь внутри и сколько придется ждать, поэтому просто стоял, крепко сжимая коробочку так, что ее углы больно впивались в ладонь.

Время тянулось, прохожих на улице становилось все меньше. Наступила глубокая ночь.

Черный минивэн выехал с подземной парковки и остановился у входа.

Тело Су Яня напряглось.

Несколько охранников в черном первыми вышли из машины, бдительно осмотрелись по сторонам и открыли заднюю дверь.

Гу Ечэнь вышел из автомобиля. Он сменил костюм на простое черное пальто, фигура его была статной, а ночной ветер развевал полы одежды. Рядом с ним шел ассистент и что-то тихо говорил.

Гу Ечэнь слегка склонил голову, слушая с равнодушным видом.

Сейчас.

Су Янь вышел из тени.

Перейдя дорогу, он направился прямо к машине.

— Господин, прошу, остановитесь.

Один из охранников тут же выступил вперед, преграждая путь рукой, твердой и мускулистой, словно стена.

Су Янь не остановился. Он боком проскользнул в просвет под рукой охранника — годы подготовки дублера сделали его движения невероятно ловкими.

До Гу Ечэня оставалось всего несколько шагов.

Услышав шум, Гу Ечэнь повернул голову.

Его взгляд упал на Су Яня, и когда он узнал пришедшего, в глубине его темных глаз впервые промелькнуло едва заметное волнение.

Су Янь остановился прямо перед ним.

Он ничего не сказал, а просто протянул руку, поднося темно-синюю коробочку к Гу Ечэню.

Рука была вытянута, запястье слегка дрожало от напряжения.

Воздух вокруг словно застыл. Ассистент замолчал, охранники окружили их, атмосфера накалилась.

Взгляд Гу Ечэня переместился с лица Су Яня на коробочку, а затем вернулся обратно.

Он смотрел в глаза Су Яню.

В упрямые, полные боли глаза.

— Я возвращаю вам это, — сказал Су Янь. Голос его охрип, но каждое слово звучало предельно четко.

Это была не просьба, а уведомление.

Гу Ечэнь не двигался и молчал, продолжая смотреть на Су Яня спокойным, но источающим незримое давление взглядом.

Он изучал его.

Су Янь выдержал этот взгляд, не отступив.

Это был первый и последний раз, когда он решил пойти против этого человека, чтобы собственноручно оборвать эту странную «милость» и вернуть себе, пусть даже самую жалкую, но свою собственную жизнь.

Долгое противостояние.

Наконец, Гу Ечэнь пошевелился.

Он не взял коробку.

Он сделал шаг вперед.

Расстояние между ними мгновенно сократилось.

Су Янь почувствовал исходящий от него холодный древесный аромат — точно такой же, как в тот день на площадке.

Гу Ечэнь чуть склонил голову, наклонившись к самому уху Су Яня.

Его голос был таким тихим, что услышать его мог только Су Янь:

— Выбрось или используй.

— То, что я однажды отдал, я никогда не забираю назад.

Дыхание коснулось ушной раковины, вызвав легкую дрожь.

Тело Су Яня оцепенело.

Он все еще держал руку с коробкой, мышцы ныли от усталости, а сердце неистово колотилось в груди.

Гу Ечэнь выпрямился, отстранившись, и в последний раз посмотрел на Су Яня взглядом, в котором не было дна.

Развернувшись, он сел в машину.

Дверь захлопнулась, отрезая все взгляды.

Черный минивэн бесшумно растворился в ночи и вскоре скрылся в конце улицы.

На пустой обочине остался лишь Су Янь, стоящий с протянутой рукой.

Подул ночной ветер — было очень холодно.

Коробочка в его руке еще никогда не казалась такой тяжелой и жгучей.

<http://bllate.org/book/21842/2264536>